

„Мсяць вь деревнѣ“
Тургенева.
Художественный театр.
Игра.

„Мсяць вь деревнѣ“ поставленъ и сыгранъ очень светло—съ простой и вѣрой въ ту старую жизнь, которая въ немъ написана: безъ всякаго назова, безъ всякой ироніи. И безъ всякой театральности. Это во всѣхъ роляхъ, во всемъ этомъ необыкновенномъ спектаклѣ. Потому то, кто играютъ Станиславскій и Князьковъ, вышло такіяхъ результатовъ на то, какъ вообще играли Ракитина и Наталья Петровна. И въ роли здѣсь такъ сыграны. Такая ясность у молодыхъ: у г-жи Кореневой и г. Болеславскаго, — была особенно прекрасна.

П. Я.

Декорация.

Обстановка, въ которой шла пьеса, должна быть правдива однимъ изъ самыхъ совершенныхъ художественныхъ достижений театра за все время его существованія. Художникъ М. В. Добужинскій создалъ нѣсколько безподобныхъ по красотѣ комнатъ, и въ раскрытомъ окнѣ, въ полуотворенной двери дать увидѣть зрителю все и каждую прелесть тургеневской деревни. Не часто приходится также наслаждаться такимъ только прочувствованными костюмами, какіе съ ироніею и чуткой граціею носить въ этой пьесѣ г-жа Коренева и г. Станиславскій.

П. Я.

Въ фойѣ,

Вотъ театр, которому не приходится завидовать на недостатокъ публики.
Въ другихъ театрахъ еще на премьеру публику тянешь съ грѣхомъ попомани, а ужъ на послѣдующихъ спектакляхъ, какъ выражается одинъ директоръ:
— Этакъ!.. одинъ ремонансъ...
И печально добавляетъ:
— А ремонансѣ для антрепренера не ремонсѣ...
Я былъ вна генеральной репетиціи „Масла вь деревнѣ“.
И вотъ сейчасъ не смогъ откажати себѣ въ удовольствіи посѣтити в премьеру.
На генеральной же публикѣ пришла въ восторгъ отъ постановки.
Добужинскій повернулъ всѣхъ.
Кромѣ одного—П. Д. Боборыкинъ.

Я разговаривалъ съ ними.
— Кто же въ то время носилъ такой студенческой свиртукъ. Я самъ былъ студентомъ того времени, и у меня былъ свиртукъ чернаго, а не зеленого цвѣта.
Въ разговорѣ вѣдался какой-то старожилъ:
— Правда, форма тогда была чернаго цвѣта съ синими воротничками, но у меня сохранился свиртукъ моего дяди—зеленаго цвѣта.
— Значитъ, это не студенческій.
— Нѣтъ, студенческій. Студенты часто, чтобы не походить на педагога, выкапывали себѣ изъ зеленого сукна.
— Я никогда не видалъ такой обуви на дванадцать. Какая въ древнихъ актѣ!—будуруетъ П. Д.—И у моего отца не было такого костюма, какой у Масляткова. Тогда носили бурнусы.
Въ. Ия. Невиновичъ—Данченко, который сидѣть со своей „замѣчательной вышивкой“ (т. е. вышивкѣ для ремиссерскихъ замѣчаній) рядкомъ, интересуется:
— А что такое бурнусъ?
— Это вотъ такая хламиды!—И П. Д. дѣлаетъ поспешные жестыя.—Сперва нѣ носили мужчины, а потомъ—женщины.

А. И. Южинъ сидѣть рядкомъ съ Москвиннымъ и не можетъ удержаться, чтобы не ахандировать до акта—декорациями:

— Декорация Добужинскаго, это—стихотворенія изъ прозы.

А послѣ акта—исполнителямъ.
Изъ благой бесѣды вспоминали:

— Помню объ „Анфисѣ“ это вопросъ моего дѣдушки самозванца! Я устремляю въ станица, чтобы она помла и по возможности даже въ этомъ сезонѣ!

Послѣ проивкутой чисто-тургеневской деятельности сцены объясняетъ въ любви Наталья Петровна съ Балазымъ, П. Д. воспоминаетъ:

— Воображаю, какъ „объясняется“ былъ въ подготовкѣ появленія героя у вышивавшихъ писателей!..

Въ актѣ А. Т. Амерченко, А. А. Рудакова и талантливейшей каррикатурности Н. В. Ремизовъ (Ремъ)—„сатириковъ“—звонятъ артистовъ и зарисовываютъ ихъ.

— Безподобная постановка! Вотъ чѣмъ Москва на нѣсколько головъ опередила Петербъ!

У публики, у артистовъ, даже у билетерьевъ на лицѣ праздникъ.

— Совершить полный кругъ исканій, Художественный театръ намелъ... Тургенева.

— Ни потугъ, ни натугъ, ни рисовки.

— Простой честный быть глядѣть въ сцени...
Да, именно, честный.

Я встрѣтился съ Добужинскимъ.

— Сидели въ чемъ васъ укоряетъ П. Д. Боборыкинъ!

— Я готовъ его вызвать на дуэль. Онъ говоритъ на основаніи воспоминаній, а я на основаніи изученія документовъ. На каждую деталь, на каждый штрихъ у меня есть оправдательные документы.

Г. Добужинскій такой же очевидно, какъ П. Д.

— Даже больше!

— Да ослѣ блъ деталя и не было тургеневскъ дуть, игра эпоха, и трѣгъ Тургеневскъ...

Въ нудилъ слышались:

— Смотрите. Коренева склоняла голову къ плечу Князькова. Да, вѣдь, это Бралолювъ...

— Нѣтъ, это Федотовъ...

— Нѣтъ, это Левинскій!..

— Ахъ, да не все ли равно—Бралолювъ, Федотовъ, Левинскій или Добужинскій,—это Тургеневскъ!

— А не находите вы, что Тургеневскъ устарѣлъ...

— Сами вы, батенька, устарѣли!

— Этотъ диалогъ а слышать вчера на премьерѣ.

По око неувѣряю.

Мы все не устарѣли.

По крайней мѣрѣ, сегодняшняя публика была такъ родна и чужа къ Тургеневу.

Первый же аккордъ политическаго быдла такъ восторгалъ: подыкала занавѣсъ—важно Наталья Петровна вышиваетъ на вышивалкѣ, а Ракитка ей по-французски „Монте-Кристо“ читаетъ, а лапрано—мать ей, компаньонка Лавалета Ивановича и гувернеръ Шафвъ—изъ карты срисовываетъ.

— Я выбѣжалъ въ окно. Въ немъ весь Тургеневъ, весь Челомъ!..

— Да, это окно въ „Випшискій садъ“!

Опустился первый занавѣсъ.

Андоисметы ждала.

А смотрю на изда, — всѣхъ погодѣли.

Вотъ Н. В. Глоба съ дочерью, Ф. Ф. Кокоскиной, г-жи Рабулинскія, Ф. М. Бзыменталь, В. Н. Петрова-Знаидера, г-жа Терлинь-Корганова, г-жа Адель, в. П. Д. Долгоруковъ, г-жа Соколовскія, Н. Н. Баженовъ,—всѣ улыбаются лавазки.

— Пріятно посѣтъ „Чернытъ масла“ такую вещь посмотрѣтъ!—говоритъ П. Н. Баженовъ.

А уж не смужил психиатру радоваться по поводу раздвоения личности.
Кто-то ему вторит:
— Я на „Черный хвост“ зашла!

А кто-то еще глубокомысленно добавляет:
— Станиславский Чеховым начал и Чеховым кончить. Тургенев—родня Чехову...

Да, родня.

Н. Ш.

Александр Губин. „Писецъ въ деревнѣ“.

Какая красота!

Уют, тишина, спокойствие... Ясное, веселое солнце заложив своих величественных свѣтлых круглую компану барского деревенского дома и светится откуда, гдѣ, за стеклянное дѣрво, расплещая очно зеленая поляна и деревья сада.

Все такъ ясно, свѣтло, и въ то же время на фоне нечеть красивая поэтического угадливости... А, можетъ-быть, это только такъ кажется, потому что, вѣдь, все это уже умерло, ничего этого уже нѣтъ. Нѣтъ этой круглой компаны съ удобной массивной мебелью из королевской березы, конечно, мебелью вышитой; нѣтъ вышитых занавесок, картинка къ букажным рамкам и большаго кресла въ романтическомъ стилѣ, ничто въ родѣ бравоуловыхъ шкафов; нѣтъ печей съ вышивкой, въ которыхъ пріятныя урны...

Третій разъ показывается вамъ здѣсь старый домъ: вы видите полное старое укладо поевъ Своякина-Дулаевского, вы видите старый домъ въладѣльцевъ шипового сада, видите теперь домъ въ усадьбѣ Нюсовыхъ,—и каждый изъ нихъ имеетъ свою особую физіономію.

Во первый на всемъ та казенщина, та безразличная сухость и тяжеловѣсность, которые пріятныя горючій; во вторыхъ все уже несетъ печать тѣлныя, оброчности, тревоги; а здѣсь,—въ вѣтви Нюсовыхъ,—здѣсь все дышитъ красотой, спокойствіемъ, издѣлствомъ. Никакого возмущенія дѣлаетъ въ теченіе всего спектакля; наоборотъ: «актеръ» возмущенъ въ очко, а зрительница не колеблется: «очко» идетъ, а душа его не слышно.

Направо, тоже за предвѣданнымъ столомъ, сидитъ такая слабая, холерная, румяная старуха-барыня и аграритъ къ дарту съ экономай и вѣнчико-губоуверент. Въ деревнѣ да еще въ то время, да картъ не полагается, вѣдь, счастливѣе, вечерять, часомъ.

Направо, тоже за предвѣданнымъ столомъ, сидитъ молодая женщина, а въ креслахъ около нея господина, несколько и особенно прикопывающей къ себѣ вниманія. Это—Ракитица. Въ отъ Ракитица, который былъ передъ вами вчерѣ, есть что-то отъ молодого Тургенева и что-то отъ Альфреда Мюссе, безъ всякого, однако, стремленія къ грубой портретному следству. Можетъ быть, это не столько сходство внѣшнихъ чертъ, сколько внутренней сущности. Въ немъ все дышитъ издѣлствомъ, тѣмъ рывчатствомъ ушедшей отъ насъ эпохи, которое создавалось на работѣ и даровитъ хлѣбать и все же замкнуло въ себѣ столько невоин и благо-робства. Есть и настоящій дѣлатель. Господина читаетъ вслухъ по колодой дамъ. У Тургенева только несколько словъ: «Monte Cristo se redressa hahahaha... Но господина читаетъ пѣть «Monte-Cristo» гораздо больше, и эта перемученная, чистая французская рѣчь такъ гармонируетъ со всемъ вартной старого русскаго барета.

— Наталье—Виншперъ и Станиславскій,—попечетъ мнѣ ну око съездъ и обидно разрушаетъ мнѣ назло.

Какіе Виншперъ и Станиславскій? Зачѣмъ Виншперъ и Станиславскій? Мнѣ они не нужны, мнѣ нужно и можно было это, что передо мной отрывало, эта волшебное воскресенная страница прошлаго со всѣмъ ихъ ароматомъ. Вѣдь, это, всѣхъ другіе люди. И не потому, что Ракитица одѣтъ такъ, какъ одѣвались въ началѣ сороковыхъ годовъ, а потому, что тогда являе жила, являе чувствованія, являе любилъ, являе находили къ женщины. Достаточно взглянуть, какой сдержанной, почтительной радостно свѣтится лицо Ракитица, когда онъ обращается къ Натальѣ Петровнѣ, какъ весь подбрасываетъ отъ, когда она входитъ къ компану, какъ безконечно сдержанъ отъ въ проявленіе своего чувства,—чтобы увидѣть, что это—человекъ другого явля, почти другого міра.

Дваситица обязательный,

Честное мышле, сердечная чистъ,—и Помню я твоѣ зоры мечтательный...

Помню такимъ, какъ видѣлъ его, когда подвозилъ его ко мнѣ Тургеневъ, Гончаровъ, а теперь увидѣть его въ реальномъ воплощеніи, и онъ не повторилъ ничего изъ своей прелесть съ материализація. Пожалуй, являние сдержанъ, сдержанно закнута, но въ такомъ замыслѣ много изящества и для него много уваженія къ мнѣ.

Другіе люди. Также любилъ, и любилъ играла въ то время гораздо бел-

шумъ разъ, чѣмъ теперь, и замолчалъ,—можетъ единственный выстелитъ,—ничего все явля, а посмотрите:
Архивъ любитъ жану, Natalie; Наталье Петровна готова отдать свое чувство Ракитицу и загорается живое, здоровой страстью къ Бѣлеву; Ракитица и Бѣлеву любитъ Наталью Петровну, Вѣрнее любитъ Бѣлеву... И во всемъ явля не одного объекта, ни одного подлѣва.

Впрочемъ, нѣтъ, обнимаются: обнимаютъ докторъ компановъ, обнимаютъ нѣмецъ служавку Катю; обнимаютъ тѣ, кто не любитъ. Гладить и душить:

— Какъ мало осталось отъ науки страсти нѣжной, красной, остротенной науки, да нашего времени: только полудра, только вѣнчине; мы поступаемъ такъ, какъ тамъ поступали дама, нѣзпнй существа...

И это сравненіе прошлаго съ настоящимъ нелегко; оно подвигаетъ всѣмъ той атмосферой, которой пронизана въ художественномъ театрѣ «Писецъ въ деревнѣ».

Чистота, аристократизмъ, внутреннее благородство, красота переживанія, естественность, безъ рисовки.—это что даетъ театру съ такой полнотой, съ такимъ чувственнымъ явля, съ являемъ это можетъ сдѣлать лишь товыя художники-аристократы.

Въ этомъ воздухѣ, который обьявля явля въ усадьбѣ Нюсовыхъ, въ воздухѣ, гдѣ носится незримая, поочувствительная тѣнь Тургенева,—все.

Когда на генеральной репетиціи являе открытъ угаситъ компану третьюго явля,—затъ дремалъ отъ рукопосланій. А преще, сиромѣе этой компаны ничто не прижмается. Зеленые съ серебромъ обоя, два зеркала въ овалычъ черныхъ рамкахъ, давши во всю стѣну съ знакомыми являеми вышлекии «крестиковъ» бусетина два красна,—нѣтъ почти все. И это было такъ гармонично прекрасно, что я бы и смѣлъ являдровалъ, если бы мнѣ не было известно обидно: въ этомъ театрѣ являе являеютеритъ обидно—ничто, чѣмъ являеми переживаніемъ. На генеральной репетиціи «Смѣль отпави являедровалъ леворичи «заурагоу вартства», теперь—дѣтерачи зеленой компаны. И то, и другая прекрасны, но теперь, въ послѣдній годъ, театръ являе право требовать, чтобы являеми было переиснено съ предѣлствомъ изъ людей. Однако, необходимо сказать, что декорация всѣхъ пяти являеи, являемии я. Добужинскихъ, прескромныи.

Я гвардилъ все время о колоритѣ. Это создавали всѣ исполнители, хотя